
ТЕКСТ И ДИСКУРС

УДК 81'42:801.73

ПРИЧИННЫЕ ОСНОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИНЦИПА СООТНОШЕНИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ: ЛИТУРГИЙНАЯ ПРОПОВЕДЬ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА*

О.И. Валентинова

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Смысловые и структурные свойства средневековой литургийной проповеди задаются онтологически — такова основная мысль этой статьи, обращенной к прочтению известного текста середины XI в. — «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

Ключевые слова: онтологическая необходимость, смысловая модель, композиционная модель, ритмическая модель, принцип порождения символических смыслов.

Причинные основания средневекового принципа соотношения формы и содержания находят совершенное выражение в совершенном жанре богословской мысли — литургийной проповеди, которая всей полнотой своего содержания и формы входит в литургийное целое — основное христианское богослужение, на котором совершается главное таинство христианской церкви — Евхаристия, таинство преложения хлеба и вина в тело и кровь Христовы. Не ораторское искусство, а благодать становится движущей силой литургийной проповеди.

Истолкование событий Ветхого и Нового Завета и истолкование настоящего через события библейские, ветхие и новые, определяют присутствие в литургийной проповеди трех хронологических, а значит, и трех смысловых пластов: ветхой истории, истории новозаветной и истории, современной прочтению проповеди.

Объясняющее начало литургийной проповеди питается онтологической необходимостью соотнесения этих трех величин. Необходимость соотнесения

* Рец. проф. Е.А. Красина (РУДН); проф. Г.В. Векшин (МГУП им. И. Фёдорова).

порождает необходимость использования сравнения, предопределяющего и композиционную организацию литургийной проповеди, и способы композиционного выделения словесного материала. Так **сравнение, продолжая оставаться важнейшим универсальным умственным действием, оказывается жанрообразующим основанием литургийной проповеди.**

На соотнесении ветхой истории, истории новозаветной и истории современного автору древнерусского государства построена и литургийная проповедь будущего первого русского по происхождению киевского митрополита Илариона, составленная в царствование великого князя Ярослава Мудрого между 1037—1043/1050 гг.

В киевский период (до татарского нашествия в середине XIII в.) высшее монашеское духовенство, имеющее обычно аристократическое происхождение, было основным носителем культуры. Иларион — монах, аскет и богослов — пребывает среди тех, кто положил начало русскому иночеству. С пещеры на берегу Днепра, где молился Иларион, начнется потом Киево-Печерская обитель. Основатель будущей обители — преподобный Антоний примет благословение от Илариона.

В древнерусском государстве середины XI столетия христианская вера исчислялась едва полувеком — младенческий возраст в ощущениях недавних язычников — упорных хранителей не различающей прошлого и настоящего родовой памяти. Может быть, именно этим живым ощущением прошлого как только что пережитого и вызван масштаб задаваемого в проповеди сопоставления.

Автор не дробит события Ветхого и Нового Завета на памятные дни церковного годовичного круга, ища буквального соответствия событию, поминаемому церковью в день прочтения проповеди, а, опираясь на родовые образы Ветхого Завета, выходит на понимание соотношения всей целостности Ветхого Завета ко всей целостности Завета Нового. Личные образы ветхозаветной истории становятся видимой опорой в толковании общей смысловой ценности Ветхого и Нового Завета.

Но первоначально мысль абстрактная многократно выражается в двух рядах уточняющих определений, устанавливающих смысловые отношения между Ветхим и Новым Заветом, как между *«закономъ»* — *«предтечей и слугою благодѣти и истинѣ»* и самой *«благодѣтью»* — *«слугою будущему вѣку, жизни нетлѣвнѣй»* [1].

Ветхим Заветом — *«скрижалми и закономъ»* — «оправдал» сначала *«Господь Богъ Израилевъ, Богъ христианскъ»* богоизбранный народ, *«племя Авраамле»*, потом — *«сыномъ своимъ вся языки спасе Евагелиемъ и крещениемъ и въводя а въ обновление пакыбытия въ жизнь вѣчную»*.

Закон приводил вразумленных к благодатному крещению — через крещение же открывается жизнь вечная: *«Яко законъ приводиаше въ законеныа къ благодѣтельному крещению, крещение же сыны своя прѣпущаетъ на вѣчную жизнь»*.

Моисей и пророки «*о Христовѣ пришествии повѣдааху*», Христос и Его апостолы — «*о въскресеии и о будущиимъ вѣцѣхъ*».

Сначала Ветхий Завет — «*законъ*», потом Новый Завет — «*благодѣть*». Сначала — «*стѣнь ти*», потом — «*истина*».

Внутренней форме двусложного сопоставления идеально отвечают многократные параллельные конструкции. Формирующее параллельную конструкцию синтаксическое подобие первой и второй части обнажает смысловые различия двух составляющих, исключая любую возможность отвлечения на второстепенное:

- «*оправди [Богъ] прежде племя Авраамле скрижалми и закономъ*»,
«*послѣжде сыномъ своимъ все языки спасе Евангелиемъ и крещениемъ*» (1);
- «*Законъ во прѣдѣтечя вѣ и слуга благодѣти и истинѣ*»,
«*истина же и благодѣть слуга будущему вѣку, жизни нетлѣннѣи*» (2);
- «*Яко законъ привождаше възаконеныа къ благодѣтному крещению*»,
«*крещение же сыны своа прѣпущаетъ на вѣчную жизнь*» (3);
- «*Монѣ во и пророци о Христовѣ пришествии повѣдааху*»,
«*Христось же и апостоли Его о въскресеии и о будущиимъ вѣцѣхъ*» (4);
- «*И что усгѣ законъ?*»,
«*что ли благодѣть?*» (5);
- «*Прѣжде законъ*»,
«*ти по томъ благодѣть*» (6);
- «*прѣжде стѣнь*»,
«*ти по томъ истина*» (7).

Многократное повторение конструктивного хода, построенного на синтаксическом подобии двух высказываний, отсылающих к прояснению содержания двух глобальных сущностей, следующих всегда в одном и том же порядке: сначала Ветхий Завет, потом — Завет Новый, — закрепляет ритмическую модель, основанную на ожидаемом чередовании повышения и понижения интонации.

Говорит проповедник о Ветхом Завете — интонация повышается, говорит о Новом — интонация понижается.

Так, подразумеваемая повышением интонации содержательная незавершенность, ожидание продолжения, станет устойчиво связываться с повествованием о Ветхом Завете. Напротив, понимание событий Нового Завета как факта свершившегося окончательно будет поддерживаться понижением интонации.

Боговдохновенные тексты — и цель, и средство понимания — сами становятся ключом к своему истолкованию. Мысль абстрактная находит, наконец, зримую опору в личных образах ветхозаветной истории — Сарры, законной жены Авраама, и ее рабыни Агари, первой родившей Аврааму сына, когда супруги уже потеряли надежду зачать наследника: «*Образъ же закону и благодати — Агарь и Сарра, работная Агарь и свободная Сарра, работная прежде ти, потомъ свободная*».

Но характер сопоставления стремительно усложняется: в сопоставление вовлекаются не отдельные образы, а развернутые сюжетные фрагменты ветхозаветного повествования и сюжетные фрагменты Нового Завета:

«Яко Авраамъ убо от ѹности своен Сарру имѣ жену си, свободну, а не рабу» // «И Богъ убо прежде вѣкъ изволи и ѹмысли сына своего в миръ послати, и тѣмъ благодати явитися» (1);

«Сарра же не раждааше, понеже бѣ неплоды. Не бѣ неплоды, нѣ заключена бѣ Божиимъ промысломъ на старость родити» //

«Безвѣстная же и таина прѣмудрости Божии ѹтаена бяху ангель и человекъ, не яко неявима, нѣ ѹтаена и на конецъ вѣка хотяща явитися» (2);

«Сарра же глагола къ Аврааму: се заключи мя Господь Богъ не раждати; види убо къ рабѣ моеи Агари и родиши отъ нея» //

«Благодѣтъ же глагола къ Богу: «Аще нѣсть врѣмене съннати ми на землю и спасти миръ, съниди на гору Синаи и законъ положи» (3);

«Послушая Авраамъ рѣчи Саррины и вѣлѣзе (виде) къ рабѣ еѣ Агарѣ» //

«Послуша и Богъ яже от благодѣти словесъ и съниде на Синаи» (4);

«Роди же Агаръ раба от Авраама раба робничшть, и нарече Авраамъ нмя ему Измаилъ» //

«Изнесе же Моисѣи отъ Синаискыя горы законъ, а не благодѣтъ, стѣнь, а не истину» (5);

«По сихъ же уже стару сущу Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму, сѣдящу ему прѣд дверьми кущкѣ его, въ полудне, у дѣба Мамьврнискааго; Авраамъ же текъ въ срѣтение ему и поклонися ему до землѣ и приять и въ кущту свою» //

«Вѣку же сему къ коньцу приближающуся, посѣтитъ Господь человекъскааго рода и съниде съ небесе, въ утробу Дѣвицы вѣходя; приять же и Дѣвица съ поклоняниемъ въ кущу плѣтянѹю не болѣвши, глаголющи ти къ ангелу: «Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу Твоему»» (6);

«Тогда убо отключи Богъ ложесна Саррина и заченьши роди Исаака, свободнаа свободнааго» //

«И присѣтившю Богу человекъскаа естества, явншася уже безвѣстнаа и ѹтаенаа и родися благодѣтъ, истина, а не законъ, сынъ, а не рабъ» (7);

«И яко отдонся [возрос] отрочя Исаакъ и ѹкрѣпѣ, сътвори Авраамъ гоститву велику, егда отдонся Исаакъ сынъ его» //

«Егда бѣ Христосъ на земли, и еще не ѹ ся благодѣтъ не ѹкрѣпила бяше, нѣ дояшеся еще, за 30 лѣтъ, въ ня же Христосъ таяшеся; егда же уже отдонся и ѹкрѣпѣ и явися благодѣтъ Божиа всѣмъ человекомъ въ Иорданьстѣи рѣцѣ; сътвори Богъ гоститву и пиръ великъ тельцемъ ѹпитѣннымъ, отъ вѣка, възлюбленнымъ Сыномъ Своимъ Исусом Христомъ, съзвавъ на едино веселие небесныа и земныа, съвокупивъ въ едино ангелы и человекы» (8);

«По сихъ же видѣвшин Сарра Измаила, сына Агаринна, играюща съ сыномъ своимъ Исакомъ, и яко приовидѣнъ бысть Исаакъ Измаиломъ, рече къ Аврааму: «Отжени рабу и съ сыномъ еѣ, не имать бо наследовати сынъ рабиннигъ сына свободнаа»» //

«По възнесенни же Господа Исуса, ѹченикомъ же и инѣмъ вѣровавшимъ уже въ Христа сущемъ въ Иерусалимѣ, и обонимъ смѣсь сущемъ, нудемъ же и христна-

номъ, и крещенне благодатное обидимо бѣаше отъ обрѣзанна законнааго, и не принимаше въ Иеросалимѣ христьянскаа церкви епискупанеобрѣзана, понеже, старѣише творящееся, сущен отъ обрѣзанна насловааху на хрестяныа, рабичишти на сыны свободныа, и бывааху между ими многы распрѣ и которы. Видивши же свободнааа благодѣть чада своа христьянын обидимы отъ нудѣи, сыновъ работнааго закона, възъиши къ Богу: «Отжени нудѣиство и съ закономъ расточи по странамъ, кое бо причастие стѣню съ истинною, нудѣиству съ христьянствомъ»» (9);

«И отгнана бысть Агарь раба съ сыномъ еѣ Изманломъ, и Исаакъ, сынъ свободныа, наслѣдникъ бысть Аврааму, отцу своему» //

«И отгнани быша нудѣи и расточении по странамъ, и чяда благодѣтнаа христьянни наслѣдници быша Богу и Отцу» (10).

Сюжет об Аврааме из ветхозаветной Книги Бытия разрывается на фрагменты, образующие первые части следующих одна за другой параллельных конструкций. Целостность ветхозаветного повествования об Аврааме, Сарре и Агари можно восстановить, если соединить между собой все первые части параллельных конструкций:

«Яко Авраамъ убо отъ чюности своен Сарру имѣ жену си, свободну, а не раву»;

«Сарра же не раждааше, понеже бѣ неплоды. Не бѣ неплоды, нѣ заключена бѣ Божнимъ промысломъ на старость родити»;

«Сарра же глагола къ Аврааму: «се заключи мя Господь Богъ не раждати, вѣлѣзи убо къ рабѣ моеи Агари и родиши отъ неѣ»;

«Послуша Авраамъ рѣчи Саррины и вѣлѣзе къ рабѣ еѣ Агарѣ»;

«Роди же Агарь раба отъ Авраама раба рабичишти, и нарече Авраамъ имя ему: Изманлъ»;

«По сихъ же уже стару сущу Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму, сѣдѣящу ему предъ дверьми кущкѣ его въ полудне у дуба Мамвринскааго; Авраамъ же текъ въ срѣтение ему и поклонися ему до земли и прियाтъ и въ кущту свою»;

«Тогда убо отключи Богъ ложесна Саррина и зачельши, роди Исаака, свободнааа свободнааго»;

«И яко отдоися [возрос] отрочя Исаакъ и укрѣпѣ, сътвори Авраамъ гоститву велику, егда отдоися Исаакъ сынъ его»;

«По сихъ же видѣвши Сарра Изманла, сына Агаринна, играюща съ сыномъ своимъ Исакомъ, и яко приобидѣнъ бысть Исаакъ Изманломъ, рече къ Аврааму: «Отжени раву и съ сыномъ еѣ, не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинъ сына свободнааа»»;

«И отгнана бысть Агарь раба съ сыномъ еѣ Изманломъ, и Исаакъ, сынъ свободныа, наслѣдникъ бысть Аврааму, отцу своему».

Но возможно ли целостное восприятие этого фрагмента ветхозаветной истории со слуха, если речь идет о человеке, этого сюжета не знающего или не помнящего в достаточной мере? Вероятнее всего, для человека несведущего такое восприятие останется недоступным пределом понимания. Тем более недоступной станет идея сопоставления, конструктивно решенная в десяти следующих друг за другом параллельных конструкциях.

Сложность восприятия усугубляется и тем, что в двухчастную структуру, предназначенную для сопоставления, вписывается более двух сюжетов. И только сюжет о рождении Измаила и Исаака оказывается относительно целостным.

Вторые же части параллельных конструкций обращены к содержанию и Ветхого, и Нового Завета и, как и первые части параллельных конструкций, образуют последовательность действий, складывающуюся в развивающийся сюжет:

«И Богъ убо прежде вѣкъ изволи и умысли сына своего в миръ послати, и тѣмъ благодѣти явитися»;

«Безвѣстная же и таина прѣмудрости Божии утаена бяху ангелъ и человекъ, не яко неявима, нъ утаена и на конецъ вѣка хотяща явитися»;

«Благодѣтъ же глагола къ Богу: Аще нѣсть врѣмене съннати ми на землю и спасти мѣръ, съниди на горѣ Синаи и законъ положи»;

«Послуша же и Богъ яже от благодѣти словесъ и съниде на Синаи»;

«Изнесе же и Моисѣи отъ Синаскыя горы законъ, а не благодѣтъ, стѣнь, а не истину»;

«Вѣку же сему къ концу приближающуся, посѣтитъ Господь человекъскаго рода и съниде съ небесе, въ утробу Дѣвицы вѣходя; принять же и Дѣвица съ поклонниемъ въ кущу пльтянѣю не болѣвши, глаголющи ти къ ангелу: «се раба Господня, буди мнѣ по глаголу Твоему»»;

«И присѣтившю Богу человекъска естества, явишася уже безвѣстная и утаенная и родися благодѣтъ, истина, а не законъ; сынъ, а не рабъ»;

«Егда вѣ Христосъ на земли, и еще не у ся благодѣтъ укрѣпила бяше, нъ дояшеся еще, за 30 лѣтъ, въ ня же Христосъ таяшеся; егда же отдонся и укрѣпѣ, явися благодѣтъ Божия всѣмъ человекомъ въ Иорданстѣи рѣцѣ; сътвори Богъ гоститву и пиръ великъ тельцемъ упитѣннымъ, отъ вѣка, възлюбленнымъ Сыномъ Своимъ Исусомъ Христомъ, съзвавъ на едно веселіе небесныя и земныя, съвокупивъ въ едно ангелы и человекы»;

«По възнесеніи же Господа Исуса, ученикомъ же и инѣмъ вѣровавшимъ уже въ Христа сущемъ въ Иерусалимѣ, и обомъ сѣмѣсь сущемъ, нудеомъ же и христіаномъ, и крещеніе благодатное обидимо бѣаше от обрѣзання законнаго, и не принимаше въ Иеросалимѣ христіанская церкви епискупанеобрѣзана, понеже, старѣише творящееся, сущен отъ обрѣзання насиловаху на христіанья, равнишгги на сыны свободныя, и бывааху между ними многы распрѣ и которы. Видивши же свободная благодѣтъ чада своа христіаньи обидимы от нудѣи, сыновъ работнаго закона, възъпли къ Богу: «Отжени нудѣиство и съ закономъ расточи по странамъ, кое во причастіи стѣню съ истинною, нудѣиству съ христіанствомъ»»;

«И отгнани быша нудѣи и расточени по странам, и чяда благодѣтнаа христіанни наслѣдници быша Богу и Отцу».

В результате история Авраама в разных точках своего развития окажется сопоставленной и с фрагментами Ветхого Завета, и с фрагментами Нового Завета. А результатом такого сопоставления станет наделение каждого сюжетного шага истории об Аврааме и его сыновьях символическим значением.

Заключенный в юности брак Авраама со свободной Саррой уподобляется существующему «прежде всех век» замыслу Божию послать Сына своего в мир:

*«Яко Авраамъ ѹбо от ѹности своея Сарру имѣ жену си, свободну; а не рабу» //
«И Богъ ѹбо прежде вѣкъ изволи и ѹмысли сына своего в миръ послати, и тѣмъ
благодѣти явитися»».*

Житейской ситуации таким сопоставлением приписывается внесюжетный символический смысл: мысль о предначертательной силе брака, равной предмирному замыслу Божию о Сыне.

Промысел Божий о Сарре, думающей, что она бесплодна, но родившей в старости, уподобляется неведомому ни ангелу, ни человеку промыслу Божию о кончине века:

*«Сарра же не раждааше, понеже бѣ неплоды. Не бѣ неплоды, нѣ заключена бѣ
Божнимъ промысломъ на старость родити» //
«Безвѣстная же и таинна прѣмудрости Божии ѹтаена бяху ангелъ и чело-
вѣкъ, не яко неявима, нѣ ѹтаена и на конецъ вѣка хотяща явитися».*

Решение бездетной до времени Сарры послать мужа к своей рабыне, чтобы рабыня родила ребенка, соотносится с пониманием преждевременности боговоплощения и дарования заповедей в ожидании будущего:

*«Сарра же глагола къ Аврааму: «се заключи мя Господь Богъ не раждати; види
ди ѹбо къ рабѣ моеи Агарь и родиши отъ нея» //
«Благодѣтъ же глагола къ Богу: «Аще нѣсть врѣмене съниги ми на землю и спа-
сти миръ, съниди на гору Синаи и законъ положи»».*

Соитие Авраама с рабыней соотносится с явлением Бога Моисею на Синае:

*«Послушная Авраамъ рѣчи Саррины и вѣлѣзе (виде) къ рабѣ еѣ Агарѣ» //
«Послуша и Богъ яже от благодѣти словесъ и съниде на Синай».*

Рождение сына от рабыни соотносится с получением Моисеем заповедей Божиих на горе Синай:

*«Роди же Агаръ раба от Авраама раба робичишть, и нарече Авраамъ имя еѹ
Измаилъ» //
«Изнесе же Моисѣи отъ Синаискыя горы законъ, а не благодѣтъ, стѣнь, а не
истину».*

Явление Бога престарелым Аврааму и Сарре у Мамврийского дуба соотносится с непорочным зачатием Девы Марии:

*«По сихъ же ѹже стару сѹщю Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму, сѣдящю
ему прѣд дверьми кущѣ его, въ полудне, ѹ дуба Мамвринскааго; Авраамъ же
текъ въ срѣтение еѹ и поклонися еѹ до землѣ и прятъ и въ кущтѹ свою» //
«Вѣкъ же сему къ концу приближающюся, посѣтитъ Господь челоувѣческааго
рода и съниде съ небесе, въ ѹтробу Дѣвицы вѣходя; прятъ же и Дѣвица съ по-
кланяниемъ въ кущѹ плѣтянѹю не болѣвши, глаголющи ти къ ангелу: Се раба
Господня, вѹди мнѣ по глаголу Твоему».*

И снова содержательная недостаточность первой части должна преодолеваться предзнанием слушателей о произошедшем у Мамврийского дуба, когда Аврааму и Сарре было предвозвещено рождение младенца.

Рождение же обещанного младенца — сына Авраама и Сарры соотносится с Боговоплощением, рождением Христа:

«Тогда убо отключи Богъ ложесна Саррина и заченьши роди Исаака, свободнаа свободнааго» //

«И присѣтвившу Богу челоувѣчска естъства, явишася уже безвѣстнаа и ұтаенаа и родися благодѣть, истина, а не законъ, сынъ, а не равъ».

Взросление Исаака соотносится с крещением Иисуса в Иордани (перед Его первой проповедью), которое сопровождается гласом с небес. И пир, который устроил Авраам в честь взросления сына (отнятия от груди), соотносится с радостью соединения небесного с земным через Боговочеловечивание:

«И яко отдонся [возрос] отрочя Исаакъ и ұкрѣпѣ, сътвори Авраамъ гоститвѣ велику, егда отдонся Исаакъ сынъ его» //

«Егда вѣ Христосъ на земли, и еше не ұ ся благодѣть не ұкрѣпила бяше, нъ дошеся еше, за 30 лѣтъ, въ ня же Христосъ таяшеся; егда же уже отдонся и ұкрѣпѣ и явися благодѣть Божиа всѣмъ челоувѣкомъ въ Иорданьстѣи рѣцѣ; сътвори Богъ гоститвѣ и пиръ великъ тельцемъ ұпитѣннымъ, отъ вѣка, възлюбленнымъ Сыномъ Своимъ Исусом Христомъ, съзвавъ на едино веселие небесныа и земныа, съвокупивъ въ едино ангелы и челоувѣкы».

Просьба Сарры, обращенная к Аврааму, изгнать Агарь и Измаила, обижающего Исаака, соотносится с мольбой христиан изгнать из Иерусалима обижающих их после вознесения Христа иудеев — сынов закона:

«По сиухъ же видѣвши Гарра Измаила, сына Агаринна, играюща съ сыномъ своимъ Исакомъ, и яко приовидѣнъ бысть Исаакъ Измаиломъ, рече къ Аврааму: «Отжени раву и съ сыномъ еѣ, не имать бо наслѣдовати сынъ равынннъ сына свободнаа»» //

«По възнесенни же Господа Исуса, ученикомъ же и инѣмъ вѣровавшимъ уже въ Христа сущемъ въ Иерусалимѣ, и обонимъ съмѣсь сущемъ, иудеомъ же и христианомъ, и крещенне благодатьное обидимо вѣшаше от обрѣзанна законнааго, и не приимаше въ Иеросалимѣ христианьскаа церкви епискупанеобрѣзана, понеже, старѣише творящееся, сущен отъ обрѣзанна насловааху на хрестнаныа, равичишти на сыны свободныа, и бывааху между ими многы распрѣ и которы. Видивши же свободнаа благодѣть чада своа христианын обидимы от нудѣи, сыновъ работнааго закона, възъпи къ Богу: «Отжени нудѣиство и съ закономъ расточи по странамъ, кое бо причастие стѣнно съ истиною, нудѣиству съ христианьствомъ»».

Наследование Исаака Аврааму соотносится с наследованием христианами Божией истины:

«И отгнана бысть Агаръ раба съ сыномъ еѣ Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободныа, наслѣдникъ бысть Аврааму, отцу своему» //

«И отгнани быша нудѣи и расточении по странам, и чяда благодѣтельная християнини наследници быша Богу и Отцу».

Понятно, что дробление ветхозаветного повествования (об Аврааме) на содержательно сокращенные части, разорванные соответствиями с другими эпизодами Ветхого Завета и с эпизодами Завета Нового, возбуждающими появление символических смыслов, делает восприятие литургийной проповеди доступным только для узкого круга слушателей: *«Ни къ невѣдущимъ бо пишемъ, нъ прѣизанѹхъ насыштъшемся сладости книжныа».*

Но насколько оригинальным было привлечение образов из повествования об Аврааме для истолкования соотношения Ветхого и Нового Заветов в «Слове о законе и благодати»?

Острота вопроса об оригинальности резко снимается пониманием того, что литургийная проповедь не сочиняется, а составляется и движимый благодатью автор устремляется к прозрению онтологически данной истины, а не своего представления о ней.

Апостол Павел в Послании к галатам, написанном, чтобы противостоять быстро распространяющемуся учению, подрывающему основу Нового Завета об оправдании верой, уже опирался на образы Агари и Сарры и рожденных ими сыновей.

Смысл же учения, против которого направлено было послание апостола, состоял в том, что язычники, прежде чем стать христианами, должны стать иудейскими прозелитами и подчиниться закону Моисея: «Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. Но который от рабы, тот рожден по плоти, а который от свободной, тот по обетованию. В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам, Ибо написано: возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами, потому что у оставленной гораздо более детей, чем у имеющей мужа. Мы, братия, дети обетования по Исааку. Но как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне. Что же говорит писание? Изгони рабу и сына ее, ибо не будет наследником вместе с сыном свободной. Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной» (Послание к галатам, гл. 4, ст. 21—31). Послания апостола Павла раскрывают и соотношение Ветхого и Нового Завета как соотношение закона и благодати: **«Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего себя за меня. Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер»** (Послание к галатам, гл. 2, ст. 19—21). И хотя в XI в. в славянском переводе еще не было полного объема Ветхого Завета (правда, Иларион

в высокой степени достоверности владел древнегреческим языком и был знаком с древнегреческими источниками), но древнерусские авторы не могли не знать Апостола, содержавшего Деяния и апостольские Послания, которые, приуроченные ко дням церковного годового круга, оглашались в каждой церкви и были одной из самых распространенных книг.

Но истинно свидетельствующие об истине не могут не совпадать в своих свидетельствах и в формах представления этих свидетельств, обусловливаемых представленным в них смыслом, а значит, постановка вопроса о первичности и вторичности используемых образов как основание для обнаружения плагиата была бы семиотической ошибкой. В модели средневекового созерцания и мирозерцания богословского, не ограничиваемого эпохой средневековья, вопроса о плагиате не стоит. Но Иларион уже данную в посланиях апостола Павла идею сравнения берет не в цитате, а, вводя в основание сравнения более длительное и подробное, чем у апостола Павла, развитие ветхозаветного сюжета об Аврааме, соотносит еще и каждый шаг этого сюжета с иными событиями Ветхого Завета и событиями Нового Завета.

Трехчастное же построение «Слова о законе и благодати» имеет своим основанием не творческую независимость древнерусского автора, пренебрегшего закрепленной авторами Нового Завета и отцами церкви двухчастной структуры в представлении истории, а исходно необходимое для созерцателя более позднего времени прозрение иного исторического контекста сквозь смыслы Священной истории. Так к сопоставлению эпох Ветхого Завета и Нового необходимо добавляется эпоха, современная автору, — история Руси. Вообще же понимание содержательной обусловленности формы, Смысла как первопричины формы, — необходимое условие семиотически достоверного истолкования текста, в том числе и как факта литературного языка. Проповедь, составленная в эпохи более поздние, чем время жизни отцов церкви, не могли не быть трехсложными. Как не могло не развиваться в параллельных конструкциях уточнение соотношения Ветхого и Нового Завета и как не могло не быть двусоставным развитие мысли о богочеловеческой природе Спасителя — *«яко человекъ и яко Бога»*:

«Єдин сын от Троицѣ въ двѣ естѣствѣ: Божество и человекъство, исполнь человекъ по въ человекъчению, а не привидѣннемь, но исполнь Богъ по божеству, а не простъ человекъ показави на земли божьскаа и человекъскаа:

яко человекъ бо ѹтробу матерню растяше, и яко Богъ изиде, дѣвства не врѣждь;

яко человекъ матерне млѣко приять, и яко Богъ пристави ангелы съ пастухы пѣти»: «Глава въ вышнихъ Богѹ»;

яко человекъ повиться в пелены, и яко Богъ въ лхвы звѣздой ведаяше;

яко человекъ възлеже въ яслехъ, и яко Богъ от волхвъ дары и поклонение приять;

яко человекъ бежааше въ Єгипетъ, и яко Богѹ рукотворения єгипетьскаа поклонишася;

яко человекъ прииде на крещенне, и яко Богъ Иордань, ѹстрашився, възвратися;

*яко человекъ, обнажився, възлѣзъ въ воду, и яко Богъ от Отца послушество
приять: «Се есть сынъ мой възлюбленный»;*
яко человекъ постися 40 днии и въззакъ, и яко Богъ побѣди искушающаго;
яко человекъ иде на бракъ Кана Галилѣи, и яко Богъ воду въ вино приложи;
яко человекъ въ корабли съпааше, и яко Богъ запрѣти ветромъ и морю, и по-
слушаша его;
яко человекъ по Лазари прослезися, и яко Богъ воскрѣси и от мертвынхъ;
яко человекъ на осла възсѣде, и яко Богу звааху: «Благословенъ Гряди въ имя
Господне!»;
яко человекъ распятъ бысть, и яко Богъ своею властною съпропятааго съ нимъ
въпусти въ раи;
яко человекъ оцта възкушь, испусти дхъ, и яко Богъ солнце помрачи и землею
потрясе;
яко человекъ въ гробѣ положенъ бысть, и яко Богъ ада разруши и дхгъ свободи;
яко человекъ печатѣша въ гробъ, и яко Богъ изиде, печати цѣлы съхранъ;
яко человекъ тѣщаахуся иудеи ѳтантти възскресеи, мѣздяще стражи, нъ яко
Богъ възвѣдѣся и познанъ бысть всѣми конци земля».

Ко времени составления «Слова» русское государство, «русская земля» еще не было государством русского народа. Русская народность сложится несколькими веками позднее. К середине же XI в. «были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом вырабатывается русская народность. Все эти разноплеменные элементы пока были соединены чисто механически; связь нравственная, христианство распространялось медленно и не успело еще захватить даже всех славянских племен Русской земли; так, вятичи не были христианами еще в начале 12 века» [2. С. 43].

В проповеди же будущего митрополита не только впервые появляется сочетание «русский народ» задолго до формирования самого русского народа, но и обнаруживается мистическое предвосхищение будущего Руси — уже Московской, чьи жители будут ощущать свое единство не как русские люди, а как люди православные. Похвала князю Владимиру — завершающая часть проповеди, прочитанной Иларионом в соборе Святой Софии в Киеве в присутствии великого князя Ярослава и княгини Ирины, менее всего имеет отношение к лести. Будущий митрополит, совершающий жизнью свою аскетический подвиг, никогда не был царедворцем.

Сравнение-аналогия как универсалия средневекового мышления, а значит, и средневекового текста и в этой части проповеди станет основной пружиной в развитии мысли: высота духовного подвига князя Владимира измеряется в проповеди Илариона высотой подвижничества апостолов:

*«Хвалитъ же похвалными гласы Римская страна Петра и Паула, и маже вѣрова-
ваша въ Исуса Христа, Сына Божна; Асиа и Ефесъ, и Патми Иоанна Богослова,
Индия Фому, Египет Марка. Вся страны и гради, и людие чтутъ и славятъ коегождо
ихъ учителя, иже научиша я православнѣи вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ на-
шен, малыими похвалами велика и дивна сътворѣшааго нашего учителя и наставни-
ка, великааго кагана нашеа земли Володимера, внука старааго Игоря, сына же*

славнаго Святослава, иже въ своа лѣта владычествующее, мужьствомъ же и храбрѣствомъ прослуша въ странахъ многахъ, и побѣдами и крѣпостию помниаются нынѣ и словитъ. Не в худѣ бо и невѣдомѣ земли владычствоваша, нѣ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли».

Правда, факт такого сопоставления наделяет подвиг князя Владимира (в крещении Василия) особой значимостью: преодолевая время, князь совершает апостольский подвиг спустя почти тысячелетие после земной жизни Христа и Его учеников.

Будут и другие соответствия:

«Подобниче великаго Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равночестителю служителемь его! Онъ съ святыими отци Никенскааго Сѣбора законъ человекѣкомъ полагааше, ты же съ новыими нашими отци епископы сънимаея часто, съ многымъ съмѣреннемъ совѣщаваашеся, како въ человекѣцѣхъ сиухъ ново познавшинухъ Господа законъ уставити. Онъ въ елинтѣхъ и римлянѣхъ царство Богу покори, ты же — в Руси: уже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христо царемъ зовется. Онъ съ матерню своєю Еленою крестъ от Иерусалима принесьша и по всему миру своему раславъша, вѣру утвердиста, ты же съ бабою твоею Ольгою принесьша крестъ от новааго Иерусалима, Константина града, и сего по всей земли своен поставивша, утвердиста вѣру».

И все же круг смысловых соотношений, закрепляемых в этой части «Слова», выходит за пределы Священной истории и для достоверного возобновления требует понимания контекста времени, в котором жил составитель и его слушатели. Этимологические характеристики речи проповедника такого понимания, конечно, не дают. Хазарский титул «каганъ», предваряющий в проповеди имя Святителя Руси, свидетельствует не об активных процессах заимствования древнерусским языком слов из тюркского языка окружавших славян кочевников, а о победе князя Владимира над хазарами, в результате которой он, став и их государем, принял на себя титул хазарского властителя — в знак покорения хазар.

В победе князя Владимира над хазарами был и религиозный смысл, очевидный для слушателей проповеди: степные кочевники приняли иудаизм и выступали от имени «закона». Соотношение «закона» и «благодати» решается теперь в перспективе иного времени, иной эпохи.

Прославление князя Владимира в литургийной проповеди древнерусского богослова понималось слушателями и в контексте отказа византийской патриархии, в состав которой входила Киевская митрополия, в причислении не прославленного чудесами князя Владимира к лику святых [3]. Официальная канонизация святителя Руси произойдет несколькими веками позже.

В прозрении своего времени как времени исторического скажется мистическое озарение Илариона, задавшего в своем «Слове» основную смысловую тональность будущей русской религиозной мысли. В начальные годы христианства на земле восточнославянских язычников Иларион прочитает историю Руси как прямой преемницы христианских Византии и Рима.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Здесь и далее цитируется по рукописи Синодального собрания, № 591 (ГИМ).
- [2] *Ключевский В.О.* Русская история от древности до нового времени. — М.: Эксмо, 2005.
- [3] *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. — СПб., 1913.

AETIOLOGICAL ARGUMENTS OF THE ‘FORM AND CONTENT CORRELATION’ MEDIAEVAL PRINCIPLE: LITURGY SERMON OF METROPOLITAN ILARION

O.I. Valentinova

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

Meaningful and structural features of the mediaeval liturgy gospel are determined ontologically — this is the essence of this article, undertaking the interpretation of the well-known text dating back to the middle of the XI century — “Sermon on the Law and Gratia” by metropolitan Ilarion.

Key words: ontological demand, meaningful model, compositional model, rhythmic model, principle of generating symbolic senses.

REFERENCES

- [1] *Rukopis Sinodalnogo sobraniya, № 591 (GIM).*
- [2] *Kluhevskiy V.O.* Russkaya istoriya ot drevnosti do novogo vremeni. — М.: Eksmo, 2005.
- [3] *Priselkov M.D.* Ocherki po tserkovno-politicheskoy zhizni Rusi X—XII vv. — SPb., 1913.